

Бабье лето

Это омут, ох, это омут-

Бабье лето, бабье лето...

/ Игорь Кохановский/

- Ну, ты, ваще! – воскликнула Матильда Аристарховна, подражая своему младшему внуку. Восклицание было обращено старинному приятелю Михаилу Леопольдовичу, предложившему ей «посетить кинотеатр». Естественно, для просмотра премьеры. Кажется, что в этом предосудительного? На первый взгляд, ничего. Но предполагался просмотр нового анимационного фильма. Для детей. Бывают, анимационные фильмы для взрослых, а этот был для детей дошкольного и младшего школьного возраста.

- Что здесь такого? – не понял старинный друг, усердно почесывая подбородок двумя пальцами. При этом глубокая ямка на том самом подбородке сжималась и разжималась, как при игре на садовых цветках львиный зев, названных в народе «собачками». Еще в далеком детстве Матильда, которую в ту пору называли Мотя, и ее друг-приятель Миша, предпочитавший ее общество, а не общество озорных мальчишек, играли «собачками»: открывали и закрывали им рты, изображая лай. Озвучивали лай сами, задорно завывая и раздражая кумушек на дворовой скамейке. Об этом они давно позабыли, и тоже раздражались громкими голосами ребятни.

- Я пока в детство не впала, - парировала Матильда-Мотя и обиженно поджала губы.

- Ну, извини, если сказал что-то не то? - привычно расшаркался Михаил Огурцов. Проще было извиниться, чем выяснять отношения, доказывать свою правоту. А так извинился, и быстро забыли о недоразумении.

- Ладно, я тебя прощаю, - глубоким контральто произнесла мадам Аккуратова, изменив своему привычному звонкому голоску, благодаря которому любой звонивший по телефону принимал ее за молодую женщину, о чем она не забывала рассказывать всем знакомым. Чтобы друг прочувствовал свою вину глубже и шире, надо было поставить жирную точку.
– Ты бы меня еще в цирк пригласил!

- А что! Могу и пригласить. Можно подумать, в цирк ходят одни малолетки. Ну, еще их родители, потому что малолетки сами в цирк не пойдут.

- Терпеть не могу, когда ты начинаешь развивать свою мысль, - скривилась Матильда Аккуратова, сбрасывая с плеч вьющийся локон.

Ее одногодки предпочитали стрижки, считали, что длинные волосы у женщин их возраста... около шестидесяти выглядят нелепо: сзади создается эффект пионерки, взглянув на лицо, понимаешь - это пенсионерка, впавшая в детство. На что Матильда заявляла: зависть – плохое чувство! К тому же, она не заплетает косу или две косы. Ходит «распущенной» или накручивает на голове дулю. И возвращается в свою молодость, в конце шестидесятых, начало семидесятых. Хотя бы таким нехитрым способом. Конечно, лучше не смотреться в зеркало лишний раз, чтобы не портить себе настроение, искусственное поднятое сооружением замысловатой прически. Сооружение происходит вслепую, и всегда получается великолепно с первого раза. А если Мотя пристраивается у зеркала, начинает крутить дулю, контролируя каждое движение, то получает черти что и сбоку бантик, как она говорила в юности, продолжает говорить и сейчас.

Положа руку на сердце, Матильда никуда идти не хотела. И не хотела сидеть в четырех стенах. Ей хотелось «пошуршать осенней листвой» где-нибудь в отдалении от глубокой цивилизации. Но ее ответное предложение могло вызвать у старинного приятеля недоумение: Мотя была до мозга костей урбанисткой, презирала любые соприкосновения с дикой и мало обустроенной природой, в центре которой красуется ветхое строение - избушка на курьих ножках. Можно и без строения, но это будет полной дикостью. Обустраивать природу она никогда не стремилась.

И ладно бы одно недоумение, а то еще решит, что она делает первый шаг в сторону сближения в самом понимаемом смысле: Михаил Леопольдович

давно предлагал «съехаться», и зажить настоящей супружеской жизнью. Когда он предложил зажить «по-настоящему» впервые, а случилось это два года назад, Матильда Аристарховна посмотрела на него, как на умалишенного, вознамерившегося лепить снежки посреди жаркого лета. Не сдержалась и уточнила:

- Что ты под ЭТИМ подразумеваешь? – Матильда не позабыла сделать обиженное лицо, чтобы ответ на ее возмущенный вопрос прозвучал более корректно. Хотя... Чего греха таить, она была еще полна сил и... желаний. К тому времени вдовствовала давно, личную неустроенность во главу угла не ставила, целиком погрузилась в проблемы дочери и двух внуков, в воспитании которых принимала горячее участие, к чему благосклонно относились молодые родители, ставшие ими впервые соответственно в девятнадцать и двадцать один год. Дети росли, забота бабушки не ослабевала, а с тех пор, как не стало их деда, у бабушки остался один свет в окне – мальчишки-шалунишки. И никто из детей-внуков не подумал, что мама-бабушка еще молода и имеет право не замыкаться в их проблемах. И весьма хороша собой, до сих пор на нее заглядываются мужчины, и не только ровесники. Матильда сама поставила крест на своей личной жизни, посчитав новое супружество предательством покойному мужу, которого она боготворила, неуважением к его памяти и потерей уважения дочери и зятя.

На ее возмущенно-сдержанный вопрос Михаил тогда ответил резко-раздраженно:

- Ты дурочку из себя не строй!

Сделать очередной выпад Мотя повредила: не хотела разрывать крепкую дружбу с давним приятелем, возникшим на ее пороге некоторое время назад. С Михаилом ей было комфортнее, нежели с подружками-болтушками, бурно обсуждающими чужую жизнь. А устав от этих обсуждений, они принимались хвалиться своими кулинарными способностями. Приготовление кулинарных изысков Аккуратова считала ненужной тратой времени. Но внуков, естественно, голодом не морила, но без ресторанных выкрутасов. Считала, что пища должна быть простой, привычной и полезной.

Но на резкость мужчины обязана была как-то отреагировать, чтобы неповадно было.

- Подбери выражения, - миролюбиво посоветовала она, позабыв свести брови на переносице – показатель неудовольствия. Но руку выдернула из-под его локтя, даже отошла на пару метров. Неожиданно вспомнила выражение из детства: еще подумают, что мы его знаем. И улыбнулась своим воспоминаниям. Трогательно так улыбнулась, впрочем, как обычно делают люди в возрасте, слегка взгрустнувшие по давно утраченному прошлому, беззаботному, веселому, бесшабашному.

- Прости, - еле слышно произнес Михаил, схватил ее руку и вернул на положенное ей место. Улыбку счел, как намек на благосклонность к развитию темы. Темы-табу для женщины. Но мужчина сел на конька и поскакал. – Матильда, я всегда мечтал о тебе, - с придыханием сообщил он, щекоча ее ухо своими губами. – Помнишь, как мы целовались на выпускном вечере? Я предложил тебе выйти за меня замуж, а ты обещала подумать.

- Ничего я не помню, - отмахнулась Аккуратова и вознамерилась вторично вырвать руку. Кто бы ее отпустил.

- Всё ты помнишь, - вздохнул Огурцов, словно сожалел о хорошей памяти Матильды. – Обещала подумать, - повторил он. – Обещаньям я не верил и не буду верить впредь, обещаньям верить смысла больше нет.

Не склонная к сентиментальности Матильда Аккуратова, всегда замечала за собой некую особенность – иной раз роняла слезу по совершенно пустячному поводу. При трагичности момента держала в себе чувства и эмоции. Теперешний момент был далек от трагичности, но не был пустячным, но она с трудом сдержалась от всхлипывания. И жалость к здоровому и крепкому мужчине не была тому причиной. Жалеть можно малых деток, немощных старушек, но никак не мужчин. Тем более, тех мужчин, которые прут напролом к намеченной цели, прикидываясь разочаровавшимися во всем, чтобы разжалобить человека, который обязательно пойдет на уступки. Воспоминания о выпускном вечере вернулись и заставили сердце сжаться. Тот вечер был начальной точкой новой неизведанной жизни, в том месте дан старт в марафонском забеге. Был большой выбор дорог, но Мотя не стала задумываться, выбрала путь и

уверенно двинулась. Только спустя многие десятилетия к ее забегу, потерявшему темп, присоединился Огурцов. Он трусил рядом по ее дороге некоторое время, затем начал тянуть в левую сторону. Именно, в левую: об изменах обычно говорят – пошел налево. Мотя упиралась, как могла. На словах. В душе мечтала жить за таким мужем – надежным, проверенным. Останавливало не только собственное предательство. Михаил Огурцов никогда не был официально женат. Так он утверждал, и Матильда склонна ему верить, паспорт не проверяла, частным сыском не занималась. Еще чего! Как и верила тому, что всю жизнь он любил ее одну, постоянно сравнивал ее с другими женщинами, с которыми сходил на короткий период. Ей импонировала его преданность, пронесенная вдали от нее.

Миша пытался ее отыскать, но тщетно, что не удивительно - совместная жизнь с военным человеком заставляла часто менять не слишком насиженное место. В девичестве Матильда носила фамилию Мулдашева. О том, что она стала Аккуратовой, знала лишь одна подруга – Лилия Капустина, которая давным-давно живет на Кубе. Легче было найти Капустину на другом конце света, чем на необъятных просторах нашей Родины законспирированную Аккуратову-Мулдашеву. Лилия всегда была общительной, поэтому общие знакомые знали, где она обосновалась. Замкнутая Матильда, которая общалась в школе в основном только с Капустиной и Огурцовым, так засекретилась, что о ней никто ничего не знал. Без проблем Михаил вычислил Лилию на Острове Свободы, связался и узнал адрес их общей подруги. Кто бы мог подумать, что она давно вернулась в город, в котором они тесно общались в детстве и в юности.

Речь о совместном проживании заходила еще несколько раз, каждый раз Матильда говорила резкое «нет», и требовала не поднимать эту тему. Иначе...

Огурцов никогда не дослушивал угрозу до конца, хмурился и вклинивался со своим «понял, больше никогда». В итоге «больше никогда» все же случалось. Но уже пять недель и три дня не заводил разговор на щекотливую тему.

А Матильда ждала. И тайно злилась.

Сама никогда бы не стала инициатором возвращения к этому разговору. Не хватало, чтобы он подумал, будто она ему набивается.

Может, он передумал... съезжаться? Пораскинул мозгами и пришел к выводу, что застарелый холостяк не способен терпеть кого-то рядом, менять свои привычки даже ради женщины, которую он...

Если бы любил по-настоящему, то не оставил бы надежду, продолжал упорствовать, донимать, приставать.

И продолжал трепать ей нервы своей любовью. Зачем ей это?! У нее все отлично! Вот только в жизни личной... привет... Как пелось в одной песне.

Смех, да и только. Туда-сюда, и будет правнуков нянчить, а все думает о личной жизни. Не стыдно?..

- Давай махнем за город, - будто прочитал ее нехорошие мысли Огурцов, получив резкий отказ на предложение пойти «на мультики». – Один мой знакомый работает сторожем на базе отдыха «Витязь». Сейчас там никого нет... Это в том смысле, что никто не будет петь хором, сквернословить и гоготать. Мы можем спокойно посидеть на берегу реки, пожарить шашлычок, выпить вина. По бокалу, - испуганно добавил он.

- Ты за рулем, - напомнила Матильда, дав понять, что склонна принять приглашение, но резко отрицательно относится ко всякого рода нарушениям. Михаил пошел дальше.

- Но мы можем... переночевать на базе отдыха. Места всем хватит, - деловито добавил он, как будто был хозяином избушки, в которую нагрянули путники, сбившиеся с пути. Тем самым дал понять, что могут расположиться в отдаленных апартаментах. Потупил взор, спрятав бешеный огонь в глазах. В поле зрения попали модельные женские туфли на невысоком каблуке.

- Естественно, в этих туфлях и в этом наряде я не поеду, - доложила женщина, проследив за его внимательным взглядом. – Мне надо переодеться. Который час? – Поинтересовалась она, позабыв от волнения о своих наручных часиках, подаренных покойным мужем на пятидесятилетие.

Вскоре он скончался от сердечной недостаточности. А часы идут себе и идут, отсчитывая время без него.

И не позабыла о них, а намеренно не посмотрела, чтобы лишний раз не напоминать о прошлом, о невосполнимой потере, о предательстве, которое обязательно случится, если она примет приглашение.

А почему, собственно, она должна перейти установленную ею грань в отношениях с Огурцовым?

- Без пяти десять, - ответил мужчина. – Можно часиков в двенадцать выехать. Погода великолепная, тепло, ясно, безветренно.

- Синоптик, я не слепая, так что не будем терять драгоценное время, - буркнула Мотя. – Я домой. – И направилась к своему подъезду, от которого они не успели далеко отойти.

- Мотя, - окликнул ее Михаил, - одевайся потеплее, ночью у реки прохладно. – Он и правда заботился о ней, но в этом случае хотел завуалированно узнать, согласна ли она остаться на ночь на базе отдыха.

- Хорошо, - на ходу согласилась она и добавила, - вино пить не буду. У меня от вина голова кружится.

- Что взять? – подобрался Огурцов.

- Отстань!

- Ну, Мотя, - призывно протянул мужчина.

- Ладно, возьми коньяк.

- Договорились.

Михаил Огурцов не преминул впиться взглядом в аппетитную женскую фигуру, излишне поспешно скрывшуюся в подъезде, расплылся в счастливой улыбке, пробубнил себе под нос «наконец-то», опомнился и шмыгнул в свой автомобиль «Лада-Калина»...

За полчаса Огурцов успел запаковать провиантом, собрать вещи и позвонить приятелю, который сторожевал на базе отдыха «Витязь».

Матильда тоже собралась в рекордные сроки. Она всегда отличалась скорострельностью, а сегодня и подавно торопилась. Оставив в прихожей небольшую сумку с вещами и кое-какими продуктами, она присела у кухонного окна и стала ждать возвращения приятеля. С трудом удерживала себя на одном месте. Руки подрагивали, сердце исполняло энергичный танец в совершенно бешеном ритме. Чтобы занять руки она начала сооружать на голове прическу. Что-то накрутила-навертела, «зацементировала» сооружение шпильками, не удержалась и поспешила в прихожую, где находился встроенный шкаф с большим зеркалом.

- Я упала с самосвала, тормозила головой, - вынесла она вердикт своему художественному творению вслепую. Сегодня все было наперекосяк. Как у девушки перед первым свиданием.

Хорошо, что с вечера не договорились, а то бы она, вообще, глаз не сомкнула. Но что-то предчувствовала, всю ночь вертелась на кровати, как уж на сковородке. Еще соседи, чего в помине не бывало, бубнили за стенкой. Сначала у них разрывался телефон, потом начали бубнить. Скорее всего, соседке кто-то позвонил среди ночи, а она, нет бы, послать подальше невоспитанного абонента, начала ему что-то вещать. Весьма эмоционально. И говорит, и говорит, и говорит, и говорит. Матильда будто бы спит, а будто бы бодрствует, все слышит, но в смысл не вникает. И почему-то показалось, что соседский голос похож на голос Лильки Капустиной. Потом соседка уgomонилась, а она так и полуспала-полубодрствовалась до рассвета. Как в забытьи. А причина в снотворном и в полнолунии. Когда увидела в ночном небе блестящий колобок, сразу поняла – грозит бессонница. У нее всегда проблемы со сном в полнолуние. Что-то беспокоит, что-то внутри трепещет, она крутится, вертится, ходит-бродит по квартире, берет в руки книгу, пытается читать, но ничегошеньки не понимает. Снотворное мало помогает, но с завидной настойчивостью его принимает. А вдруг на этот раз поможет. Как же, помогло. Руки-ноги онемели, мозги затуманились, организм неуверенно сопротивлялся сну. Вяло-трепещущее состояние это еще хуже, чем поверхностный сон, когда чутко спишь. Хотя бы отдыхаешь.

Матильда Аристарховна не могла расслабиться, как не старалась. В голову лезла всякая чушь. Чему удивляться - не нужно было смотреть по телевизору всякие криминальные истории, тогда не будут сниться кошмары. Погрузилась в глубокий сон только к утру. Могла проспять до полудня, но встала пораньше, чтобы подготовиться к встрече с приятелем, с которым намеревались посетить культурное мероприятие. И теперь пребывает в нездорово-возбужденном состоянии, которое, в виду недосыпа, может перетечь в глубокий сон, причем в самый неподходящий момент. Или в подходящий.

Матильда с психом выдернула шпильки и стала драть по голове щеткой-расческой, приговаривая:

- Дура старая, куда тебя несет?! Что о тебе дети подумают! – Была готова дать задний ход, но нашла выход из положения. – А кто им скажет правду? Я не собираюсь докладывать о своих планах. Вечером дочь, как обычно, позвонит, чтобы поболтать перед сном, я и... поболтаю с ней. Скажу, что у меня все хорошо, читаю и одним глазом смотрю в телевизор.... Надеюсь, мобильная связь за городом не хуже, чем в городе.

Она потелепала в кухню, хотела опуститься на табурет, но заметила машину Огурцова. Отпрянула от окна, стала сбоку и принялась подглядывать за ним из-за шторы, не забыв дать характеристику своему поведению:

- Маразм крепчал.

Огурцов из машины не выходил, телефонными звонками не донимал. Сидел и терпеливо ждал.

- Милый мой, может быть, тебе всё равно – выйду я или не выйду, - прокомментировала его поведение старинная приятельница, она же тайный наблюдатель. – Если черед пять...нет, через три минуты он не позвонит, я, вообще, никуда с ним не поеду. Да-да, дружок, никуда не поеду. Я ты потом будешь кусать локти! – взвилась она. - И я буду локти кусать, без сомнения, но ты расстроишься сильнее. – То обстоятельство, что его огорчение превысит ее огорчение, притворно успокаивало.

Михаил позвонил через минуту.

- Матильда, я давно скучаю у подъезда. Ты скоро?

- Сейчас выхожу, - томно протянула женщина, выпила настойку пустырника – для успокоения возбужденной нервной системы или для того, что уснуть в самый подходящий или неподходящий момент, и пулей вылетела из квартиры. На первом этаже отдышалась, сделала светское лицо – «я вам рада, но не настолько, чтобы вы возомнили черт знает что и перешли черту», и величественно выплыла на крыльцо. Красиво, с чувством собственного достоинства преодолела три ступеньки, и натолкнулась на Огурцова, который вышел из автомобиля, чтобы перехватить у нее сумку. И она так погрузилась в сомнения, так гордо себя несла, что не заметила его перемещений.

Михаилу жгуче хотелось ее страстно поцеловать. Прямо здесь, у подъезда. Но эта гордая особа способна залепить пощечину, по-военному сделать «кругом», вернуться в свою квартиру и забаррикадироваться там. Мечты рухнут, дружба закончится. Мотю нахрапом брать нельзя.

Когда Миша впервые поцеловал ей руку, она долго изучала то место, куда приложились его губы. Можно подумать, он злоупотреблял с жирной гигиенической помадой «от сухости» или до этого лобызал мусорный бак. Никаких особых выражений на женском лице не отразилось. Просто изучала тыльную сторону ладони, будто на ней обязан появиться росток неизвестной породы. Не дождалась. Подняла свои выразительные глаза на мужчину, дерзнувшего посягнуть на ее собственность, и спросила:

- Что это было?

- Невинный поцелуй... Приветствие... Радость от встречи... Выражение радости от встречи, - сбивчиво пояснил Огурцов.

- Миша, не нужно...

- Мотя! Да что я такого сделал?!

- Ничего. Просто не нужно и всё. Мы друзья.

- Я не могу поцеловать руку подруги?

- Не можешь.

- А дружески пожать ее руку?
- Пожать можешь, - великодушно разрешила подруга детства и юности.
- Здравствуй, Матильда, дай я пожму твою руку в знак своей величайшей радости от встречи. – И начал усиленно-дерзко трясти женскую кисть, отчего у Моти пару раз клацнули зубы.
- Не перегибай палку, - предупредила она, высвобождаясь.

Спустя некоторое время Михаил приучил ее к поцелуям рук. Иногда скользил губами по ее щеке. Невинно так скользил, но едва не зарабатывал все имеющиеся сердечные недуги от сумасшедшего волнения и, увы, сдерживания эмоций. От запаха ее тела, от ЕЕ неповторимого запаха, он медленно сходил с ума. Да, пожилой мужчина сходил с ума от запаха женщины, которую он безумно любил всю свою жизнь. И не пожилой он вовсе, а бравый молодец.

После встречи с Матильдой Михаил сбросил со своего возраста ровно половину, если не больше. И она казалась ему молоденькой девушкой, которая заигрывает с ним, кокетничает, но знает себе цену. И знает, черт возьми, чем в итоге закончится ее кокетливое заигрывание и сдерживание. Никак не может решиться на продолжение, но тоже мечтает о развитии их отношений, застопорившихся на невинной дружбе. И боится...

Сегодня был особенный день. Оба знали, что произойдет за городом, и оба делали вид, что едут погулять, подышать, по-дружески пообщаться. А завтра? Завтра вернутся в город, их недружеская близость попятится и вернется на прежние позиции. Будто бы ничего не было. Совсем ничего. Также будут посещать кинотеатры, театры, сидеть в кафе и пить кофе с пирожными. Или просто брести по тротуару, молча, ничего не говоря друг другу, никогда не тяготясь молчанием.

От этой женщины всего можно ожидать.

И как со всем этим жить? Что сделать Михаилу, чтобы разбудить эту спящую красавицу? Как соединить прошлую дружбу с любовью? Не хочется портить теперешние отношения, но жить так, как они жили до сегодняшнего дня, не вмоготу. Ему нужно от нее больше, чем дружба.

Еще ничегошеньки не произошло, а он уже развивает события. Завтра будет завтра...

Раз день выдался особенным, оба вели себя иначе, чем всегда. Со стороны походили на супругов, проживших вместе не один десяток лет. Не надоели друг другу, любовь будто бы живет и здравствует, но по прямой, без всплесков, без падений.

Но надо было видеть глаза мужчины и глаза женщины. Глаза горели ожиданием. Это в молодости всё гораздо проще. В ИХ возрасте долго не могут решиться, двадцать семь раз отмеряют, но потом... беспощадно отрезают сомнения, наслаждаются друг другом сполна. И думают – почему так долго к этому шли? Жизнь так коротка. Еще десяток лет, и вообще ничего не захочешь. Превратишься в брюзжащих стариков, которые обсуждают свои недуги и делятся рецептами лечебных снадобий, почерпанных из рекламных листовок.

Для молодых людей они и сейчас старички, которым несвойственны их интересы. Любовь? У них любовь? Не смешите! Еще скажите, что у них регулярный секс! В их возрасте надо копить деньги на похороны.

А они, старички-молодячки, любят, трепещут от одного вида друг друга, и совсем не думают о закате. Неважно, что будет завтра, черед неделю. Сегодня они молоды и полны желаний. Им никто не может помешать, раз они так долго шли к своей любви...

Или может?..

Всю дорогу они молчали, почти не смотрели друг на друга. Никто не решился включить радио, или заговорить о разных глупостях, не имеющих отношения к важности момента.

Михаил думал о Матильде. Он всегда о ней думал. Особенно с трудные минуты жизни. Когда благодаря своему водительскому опыту сохранил жизнь десяткам пассажиров автобуса, которым он управлял. Когда валялся на больничной койке с перитонитом, и доктора давали один шанс на миллион, что он выживет. Говорили его приятелю Вовке Внукову: «Сделали

всё, что могли. Теперь все зависит от силы его организма». Вовка сразу уверенно заявил: «Если все дело в его организме, то я могу быть спокоен. Мишка выдюжит».

И он выдюжил. И только благодаря Матильде. Она постоянно была рядом, стояла у постели и с укоризной поглядывала на него. Ей было всего семнадцать, как в ту пору, когда они расстались. Думал ненадолго. Надеялся, что она завалит вступительные экзамены и вернется. Не завалила, не вернулась. И потом и вовсе выскочила замуж за молоденького лейтенанта. Мишка хотел убить ее мужа, потом хотел убить себя: жизнь без нее – не жизнь. Потом собрал манатки и уехал на стройку века. Отработал там десять лет, затем друг пригласил к себе на Урал. Хорошие водители везде нужны. В пятьдесят ушел на пенсию. Совсем затосковал. Тянуло на Родину, мочи нет. А зачем мучиться, - подумал он. – Холостяку собраться – только подпоясаться. Продал квартиру, садовый участок, сел в свой автомобиль и помчал на встречу с новой жизнью. Сразу решил, что Матильду тревожить не станет. У нее сложившийся семейный уклад, незачем лезть постороннему человеку и все портить... Но можно узнать ее адрес, поехать и одним глазком на нее посмотреть. Какая она стала?.. Не столь важно, пусть будет хромой, слепой, кривой, безобразно толстой, он ее безумно любил все годы, и будет любить впредь. Даже лучше, если стала убогой: возможно, муж от нее отказался. А он, старый друг Мишка, с преогромным удовольствием возьмет на себя все заботы о ней, о Моте, смешной девчонке с веснушками на носу и скулах...

Огурцов не мог представить теперешнюю Матильду. Но когда впервые увидел после долгого расставания, тотчас ее узнал.

Милая, любимая, моя. Только моя. Всегда была моей...

А Матильда по дороге на базу отдыха думала о... другом мужчине. И это был не ее покойный муж. Предстоящая измена заставила вспомнить о давней единственной измене.

В ту пору ей было тридцать девять. Ему сорок пять. Его звали Артем. Артем Михайлович Дятлов. Первый муж ее близкой подруги Лильки Капустиной, которая к тому времени была счастливо замужем за своим кубинцем. С Темой она поддерживала отношения, они часто перезванивались. В редкие

случаи ее приезда в родной город, всегда останавливалась у бывшего супруга, который оставался холостяком, шутливо говорил, что сполна хлебнул супружеской жизни. Это при том, что Лилька была прекрасной женой. Холила-лелеяла своего красавца мужа. Но любила весьма эмоционально. От брошенного взгляда «сквозь нее», в котором сквозило безразличие, так ей казалось, могла хлопнуть об пол тарелку. И только-то. Не верещала, как встревоженная сорока, не кричала, как ревнивица-истеричка, элементарно напоминала о своем существовании. Забыл, задумался о чем-то? Не имеешь на то права в моем присутствии! А так Лилия была сущим ангелом. Бухнет посуду об пол, встанет в первую позицию, умильно взирая на опешившего супруга, и невинно спросит:

- Тема, ты меня любишь?

- Страстно, - с придыханием ответит супруг и обязательно приглубит свою эмоциональную жену, переступив через разбитую посуду, которую ей же и убирать.

Так и жили. Пока мадам Капустина не встретила на улице кубинца Эрнесто Альмейда, приехавшего в Россию по туристической путевке. Нелегкая занесла Лильку в Москву в командировку. Эрнесто отбился от своей стаи, на ломаном русском, который изучал в школе, спросил, где находится гостиница «Космос». Лилька тоже остановилась в «Космосе». В общем, случилась любовь с первого взгляда.

Лильку не остановило даже то, что Эрнесто был моложе ее на восемь лет, и наотрез отказался жить в «ужасном русском климате».

По возвращении из командировки, Капустина заявила ничего не подозревающему мужу, что она с ним разводится. Привычно пребывающий в своих физико-математических проблемах муж никак не отреагировал, пришлось лупануть об пол его любимую чашку.

- Тема, ты слышал, что я тебе сказала?

- Страстно, - автоматически брякнул Тема и полез лобызаться.

Коротышка Лилька, носившая в школе прозвище Дюймовочка, уперлась ему в грудь своими острыми кулачками и вежливо попросила сесть на место. Он сел и по-ученически сложил руки на столе.

- Артем, я хочу с тобой развестись. Я полюбила другого мужчину.

- Так, значит. Ну, что ж, насильно мил не будешь. Я согласен.

- Ты не спросишь, кто он?

- Это имеет значение? Если ты его полюбила, он не может быть плохим человеком.

- И тебе...

- Мне не все равно. Но уговаривать тебя бесполезно.

- Но хотя бы...

- Ты этого хочешь? - вновь не дослушал до конца Дятлов. – Без скандала никак?

- Скандалить необязательно, - подергала бровями Капустина. - Но сдержанно возмутиться ты мог?

- Надо? – подобрался физик-математик, чей облик никак не походил на ученого мужа, попустительски относящегося к своей внешности. «Ботаник» это не про Дятлова. Если бы к обалденной внешности прилагался счет в банке со многими нулями, то от женщин не было бы отбоя. Охотницы быстро разбирались что к чему и отчаливали к другому берегу с экзотическими фруктами, где не велись разговоры на родном, но совершенно непонятном им языке. Соответствовать не получалось, и не было желания.

И теперь от этого великана, красавчика, умника-заумника, человека без вредных привычек – не считая частных погружений в себя и отсутствия всякого желания бегать за «длинным рублем», решила уйти законная супруга, которая соответствовала и желала до недавнего времени.

- Не надо! - взвизгнула пока еще законная жена и принялась собирать осколки любимой чашки. Собирать осколки семейного счастья обоим не хотелось.

После всех формальностей с разводом, Лилька укатила на Остров Свободы по приглашению Эрнесто. Вскоре вышла за него замуж.

А Дятлов, якобы уставший от супружеских уз, с головой погрузился в науку, время от времени выныривая на поверхность и становясь настоящим мачо. Дамы клевали на красавца-самца так резво, будто он был единственным мужчиной на земле. Надолго никто не привязывался, деньги были не самой главной причиной, причиной было безразличие красавца, который первым никогда не звонил, путал женские имена, в середине разговора забывал, о чем говорили в начале. Иногда безразличие разжигает азарт, безразличие Дятлова было убийственным для всех женщин. Кто-то терпел больше, кто-то меньше, но рано или поздно переставали ему звонить, напоминать о себе, что-то предлагать...

В один из дней выныривания на житейскую поверхность Дятлов оказался в фойе драматического театра, где столкнулся с Матильдой. Дятлов был с девицей модельной внешности, Матильда была одна. Муж-трудоголик не смог отбыть в положенный отпуск, пришлось ехать к матери вместе с дочерью, к тому времени успешно сдавшей вступительные экзамены в вуз. В театр собирались идти втроем – мать, дочь и внучка. Но матери позвонила приятельница и попросила ее помощи, внучка нагло слиняла на свидание с парнем, с которым познакомилась накануне. Матильда разозлилась и отправилась в театр одна. Хотя, идти совсем не хотелось. Артема она сразу не заметила, пока он ее не окликнул. Так порывисто бросился к ней, будто всю жизнь мечтал о встрече. Его молоденькая спутница переминалась неподалеку и исподлобья поглядывала на Матильду, перетянувшую на себя внимание мужчины. Поболтали о Лильке, после чего Дятлов предложил не смотреть спектакль, а где-нибудь посидеть и вспомнить молодость.

- А, - начала Аккуратова, поворачивая голову в сторону терявшей терпение спутницы.

-- Матильда, тебя мне сам Бог послал. Никогда не встречал таких тупоголовых и прилипчивых девиц. Черт меня дернул заговорить с ней в... Впрочем, тебе эти подробности ни к чему. Я вернусь через минуту.

Артем что-то сказал девице, та испуганно вскинула на него свои глазищи, даже приложила ладонь к губам, выражая ужас и нежелание что-либо говорить в ответ. И первой сбежала.

- Что ты ей сказал? – спросила Матильда, когда Артем вернулся.
- Сказал, что ты мой лечащий врач. Увы, предварительный диагноз подтвердился. У меня сложная форма пиеловируснимфологии.
- Это что?
- Понятия не имею, - передернул плечами Дятлов.- Но как звучит!
- Пугающе, - согласилась Мотя.

Она думала, что Дятлов затащит ее в ближайший ресторан, но он предложил заглянуть к нему в гости. Матильда бывала в квартире на Малиновского сотни раз, но в то время там хозяйствовала Лилия. Недолго думая, согласилась.

После объясняла свое поведение обидой на мужа, у которого всегда на первом месте служба, на мать, которая не видела дочь целый год, но предпочла общество подруги, на дочь, согласившуюся на свидание с первым встречным. Она одинока. Она никому не нужна. Она страдает...

Около полуночи Артем вызвал для Матильды такси, получив отказ остаться у него до утра. В такси не могла понять, как ЭТО могло с НЕЙ случиться?! Куда делись мозги? Растворилась в своей обиде, так усиленно жалела себя, что по забывчивости засунула мозги в морозильник и двинула в театр? И что теперь? Как смотреть в глаза мужу?..

Прошло много лет, прежде чем они вновь встретились с Артемом Дятловым. К тому времени ее муж в звании полковника ушел на пенсию, они перебрались в ее родной город. Вскоре к ним присоединились дочь с зятем и внуками.

С Артемом столкнулись в самом неожиданном месте – в книжном магазине. Матильда рассматривала книжные новинки, Аккуратов в другом углу выбирал себе сборник кроссвордов. Кто-то склонился над ней и тихо сказал:

- Привет. А ты все так же молода и красива.

Матильде не нужно было поворачиваться, чтобы узнать, кто стоит сзади. Она зарделась и покосилась на мужа. Тот никак не реагировал на постороннего мужчину. Посторонний мужчина вывернул из-за ее спины и снова повторил:

- Привет... Рад тебя видеть.

- Привет, Артем. Я тоже... рада. Давненько мы не виделись. Как живешь?

- Нормально. У меня всё по-прежнему. А ты...

- Познакомься, это мой муж Владимир Андреевич, - промямлила Мотя, когда муж оказался рядом с ними.

- Зачем нам друг друга представлять, - удивился Владимир. - А то я не знаю мужа твоей подруги.

- Да, что это я, - засуетилась Мотя и запихнула подмышку книгу, которую до этого держала в руках. - Конечно, вы встречались с Артемом еще в ту пору, когда он был женат на Лильке.

Мужчины пожали друг другу руки. Мотя так настороженно смотрела на рукопожатие, словно они собирались переключиться на армреслинг. Но они расцепились.

- Как дела у Лили? – обратилась Аккуратова к Дятлову.

- Почему ты спрашиваешь у Артема? Ты с ней полчаса разговаривала по телефону третьего дня, - вступил Владимир, отмечая про себя непонятную нервозность жены и лихорадочный румянец у нее на щеках.

- А я вчера. Я успел сообщить об этом Матильде, а тут ты подошел, - выкрутился Дятлов. – Наша Дюймовочка клятвенно обещала приехать в Россию.

- Она это обещала уже сто раз.

- Я так понимаю, у них с Эрнесто материальные трудности. Я предлагал свою помощь, но она отказалась.

- Лилька гордая. И она знает, что у тебя лишних денег нет.

- Да, гордая, - согласился Артем и печально вздохнул. То ли дал понять, что по-прежнему стеснен в средствах, то ли сетовал на гордость бывшей супруги.

Аккуратов решил, что Дятлов по-прежнему страдает и вознамерился отвлечь его от грустных мыслей тривиальным способом.

- Артем, поехали к нам. Выпьем по рюмочке...

- Извини, у меня назначена встреча. Я уже опаздываю. Я позвоню...

Он не позвонил. С тех пор Матильда его не видела.

Зачем было ворошить прошлое?! Лучше бы вздремнула по дороге на базу отдыха, где произойдет ее моральное падение. Кое-как выпалась, избавилась от космически-парящего состояния и посмотрела на будущее под другим углом.

И поняла одно - изменой было... неожиданное randevu с Артемом Дятловым, к которому не испытывала никаких чувств. Тем более, в то время была связана брачными узами. Сейчас свободна от уз, полна непонятных чувств к Огурцову. Любит? Не странно ли в их возрасте говорить о любви? Думать, не спать ночами, хотеть что-то сказать при встрече и не решаться, болтать сущую ерунду, злиться на себя за нерешительность, на него за долгое молчание – целых пять недель и три дня. И ходить, как сомнамбула, невыспавшаяся и плохо соображающая. Мечтающая о... любовном свидании, после которого она проспит не менее суток. Потом проснется и увидит лицо того единственного человека, ради которого готова день за днем вытравливать свои комплексы, никак иначе не назовешь всякую дуристику, получившую прописку у нее в голове...

Приятель Огурцова, страж базы отдыха «Витязь», фанатично строил кучки из желтой листвы, отмеряя одинаковое расстояние между ними. Он назвался Авдеем Кузьмичем, извинился перед «барышней» за свой внешний вид, довел до своего места обитания – небольшого домика из кирпича, нареченного сторожкой. Вручил два ключа от номеров и указал на

двухэтажный коттедж, глядящий окнами на реку. Перед коттеджем тянулся довольно широкий заасфальтированный тротуар, заключенный в объятия клумбами, на которых доживали свой век разноцветные астры, выглядевшие по причине доживания весьма неказисто и грустно. Перед клумбой расположилась детская площадка. Остальную территорию базы занимали небольшие деревянные домики на два номера, с широкой лестницей и окнами по периметру. Авдей Кузьмич пояснил:

- В домишках нынче холодно от земли, в коттедже гораздо теплее. Чтобы было еще комфортнее, выдам вам по электрическому нагревателю. Прогреете свои номера, а на ночь лучше нагреватели выключать. Думаю, не замерзнете, - добавил он и хитро подмигнул Огурцову.

- Тем более, ниже плюс пяти ночные температуры пока не опускаются, - извинительным тоном проговорил Огурцов, осуждающе поглядывая на догадливого сторожа. За спиной Матильды показал ему кулак.

- Располагайтесь, а я займусь своим делом, - доложил Кузьмич и бодро зашагал к своим кучкам, брошенной метле и граблям.

- Соответствует своему имени, - пробормотала Матильда Аристарховна. – Добр, энергичен, эмоционален.

- Так сразу его раскусила?

Аккуратова промолчала, говорить о стороже совсем не хотелось. Вообще, не хотелось ни о чем говорить. Накатила грусть-тоска, вернулось запоздалое сожаление о своем поступке. Сонное состояние окутывало теплым покрывалом. Матильда подавила зевок, но наблюдательный Огурцов предложил:

- Кофе не хочешь? Я в термосе заварил.

Женщина хотела сказать, что сегодня уже пила кофе, два раза ей пить кофе нельзя – давление повышается. Но разве можно говорить о нездоровье на свидании! Нездорова – сиди дома! Дыхни без задних ног на диване под убаюкивающую болтовню телевизора. Чем не жизнь для пенсионера... Да, пенсионера... Всею свое время. Стыдно, Матильда Аристарховна, думать о любви! Ох, стыдно. Сама об этом знаешь, пытаешься себя обмануть. Возраст

не обманешь, возраст берет свое. И как представляешь себе ночь с этим мужчиной? О чем будешь думать? Сможешь расслабиться, раскрепоститься? То-то и оно, что не сможешь! Будешь думать о располневшей фигуре, о дряблости кожи, вспоминать, как надо и как не надо, потеть, сопеть, нервничать, в итоге психанешь, вскочишь с постели, как ужаленная, и сбежишь. А потом будешь сходить с ума от жалости к себе, старушке, возомнившей себя молодой женщиной. И, наконец, до тебя дойдет – всему конец! Молодости, чувствам, несвойственным волнениям...

Матильда твердо решила, что вечером они вернутся в город. Насильно никто ее удерживать не станет. На том и успокоилась.

В ее номере стояли две односпальные кровати, между которыми втиснулась тумбочка в форме прямоугольного параллелепипеда, исполняющая роль и стола, и ящика для хранения чего-либо. В левом углу от входа скучал отключенный холодильник, в правом красовался худосочный пенал для одежды. Пенал подпирал потолок, состоял из трех частей: отделения для обуви, непосредственно для одежды (были даже четыре пластмассовые вешалки на перекладине), в самой верхней части лежала веревка с прищепками, невинно свисающая с полки, дабы показать, что она имеется в наличии. Предполагалось, что в летнюю пору постояльцы протягивают на балконе веревку и сушат купальники и плавки. Эта мысль пришла в голову Матильде, поэтому она не преминула заглянуть на небольшой балкончик, на котором нашлись два стула. С балкона открывался вид на реку. По водной поверхности скользила моторная лодка. На корме сидел мужчина, он и управлял лодкой. На носу моторки пристроился мальчонка в капитанской кепке, без усталости вращающий головой. Он заметил женскую фигуру на балконе коттеджа и приветливо помахал рукой. Женщина помахала в ответ. Пристроила локти на перила, сцепив пальцы в замок, и проводила взглядом лодку и двух человек в ней. Потом появился прогулочный теплоход, с которого по округе разносилась музыка. Естественно, «на теплоходе музыка играет, а я одна стою на берегу»...

Матильда поспешно скрылась в номере, словно боялась, что ее заметят. Непроизвольно продолжила тихим голосом:

- ...Машу рукой, а сердце замирает, и ничего поделать не могу... Это точно – замирает. И поделать ничего не могу. А хочу?

Вернулась на балкон, порадовавшись тишине, блестящей водной глади, ласковому солнцу, исправно исполняющему свои обязанности в период бабьего лета. Придвинула стул к балконным перилам, села, сложила локти на перила, пристроила на руки подбородок и стала бездумно смотреть вдаль, наслаждаясь всем и сразу. Настойка пустырника сделала свое дело – успокоила до такой степени, что спать захотелось до чертиков. Глаза слипались, но Матильда отчаянно боролась. Но зевала так, что челюсть пощелкивала...

В дверь заскреблись.

- Мотя, я принес нагреватель, - доложил Михаил Леопольдович.

Мотя не стала говорить, что нагреватель ей не понадобится, потому что холодным осенним вечером она будет находиться в своей квартире. Привычно находиться. А не шастать по базам отдыха, не ловить на себе понимающие взгляды мало знакомых сторожей, не дрожать, как лист на клене, от страха.

- Спасибо, - сухо поблагодарила она.

- У тебя в номере прохладно. Лучше пойдем на улицу, там теплее. Я вынес мангал на берег... Пойдем?

- Пойдем.

Сумка с вещами и продуктами «на утро» осталась стоять у входа, как верный страж...

Пока Матильда Аристарховна бродила по берегу реки, Михаил Леопольдович высыпал из картонного пакета угли в мангал, полил жидкостью для розжига, выждал время и поджог. Пока угли прогорали, занялся мясом, при этом напевал хриловатым голосом, подражая Высоцкому:

- А я кружу напропалую с самой ветреной из женщин, а я давно хотел такую, и не больше и не меньше...

«Ветреная женщина» появилась неожиданно. Мужчина вскинул голову и заметил озабоченность на её лице.

- Что-то случилось? – спросил он.

- Миша, там, в камышах, - она указала рукой в сторону засохших камышей, сгрудившихся за территорией базы отдыха, - валяется чемодан. Вполне приличный чемодан. Совсем непохож на утильсырьё.

- Большой? – зачем-то поинтересовался Огурцов.

- Здоровенный, в нем я могу поместиться, – оценила критическим взглядом свою фигуру и хмуро добавила, - поместилась бы лет сорок назад.

- Не принижай свои достоинства. Твоей фигуре позавидуют молодые девчонки.

Матильде осталось тяжело вздохнуть.

- Чемодан на колесиках и ручка имеется, я так думаю, - бойко продолжила она, кося глазом на камыши.

- Наверное, у него ручка поломана, или он прохудился, протерся в смысле, вот его и выбросили, - продолжая свое важное шашлычное дело, выдал свою версию мужчина.

- Ага, поэтому приехали на берег реки, другого места не нашли. Сам подумай! Его с берега почти не видно, он сливается с пейзажем – песочно-зеленоватого цвета. Чемодан хотели в реку сбросить, но он не долетел, тяжелый видать. Дело было в сумерках или, вообще, ночью, что-то плюхнуло, они подумали, что чемодан достиг воды. Возможно, фонариком подсветили, чтобы убедиться.

- Но он слился с пейзажем, - повторил ее слова Огурцов. – Мотя, вот скажи мне - зачем ты туда ходила? – Он точно знал, что сейчас начнется эпопея с чемоданом, который, ну обязательно, надо вытащить из камышей, открыть и проверить содержимое. А ему это надо? Надо сидеть на берегу, пить коньяк, лакомиться вкусным сочным мясом, трепетать от близости, наслаждаться обществом друг друга, мечтать о том, что их ждет в скором будущем...

- Хотела камышину отломать и дома поставить в вазу.

- Ты что, через забор перелазила?

Забор из металлических прутьев, отделяющий базу отдыха от ничейной территории, доходил не только до кромки воды, но еще три метра «купались» в реке.

- Я не перелазила, в заборе нашла лаз. Некто решил показать свою недюжинную силу и выгнул два заборных прута.

- Мотя, не ходи за территорию, мало ли что, - озабоченно проговорил Огурцов, намекая, что ни он, ни она не выйдут на пределы базы, а заброшенный чемодан – не их забота.

- А чемодан?- прицепилась репейная дама.

- Сдался тебе этот чемодан! Пусть себе лежит.

- Миша, это не обычный мусор, это хороший чемодан. Почти новый.

- Чего ты от меня хочешь?

- Уже ничего, занимайся, чем занимался, - пробубнила Аккуратова и потрусилась к коттеджу.

- Мотя, погоди, - остановил ее Огурцов. – Пойдем, посмотрим на твой чемодан. Показывай лаз, - предложил он и бросил прощальный взгляд на мангал, на пластиковое ведро с замаринованным мясом, которое предварительно накрыл крышкой...

Чтобы добраться до чемодана, понадобились резиновые сапоги. Поэтому пришлось вернуться на территорию базы и пойти к Авдею, который успел разобраться с делами и уселся пить чай с вафлями. Сторож откликнулся на просьбу и вручил рыбацкие заброды. Недолго думая, отправился следом за Михаилом, не так из любопытства, как для страховки...

Чемодан перекочевал на твердую землю.

- Тяжелый, - выдохнул Огурцов, с неприязнью поглядывая на песочно-зеленый предмет, посмеивший внести коррективы в его планы.

Авдей ухватил за ручку, поднял наподобие гири и подтвердил:

- Да, тяжеловат, не меньше шестидесяти килограмм.
- Поставь на место, надорвешься, - посоветовал приятель.
- Какие мои годы, - ухмыльнулся мужчина, который даже женщине в годах показался стариком. – Что такое шестьдесят пять?! Ерунда, - отмахнулся он.

Оказывается, можно выглядеть старше своих лет, но обладать завидной силищей и здоровьем.

- Для кого-то и шестьдесят пять – предел, - философски рассудил Михаил, пристально разглядывая чемодан, аккуратно приземлившийся у его ног.
- Я помирать не собираюсь, - зачем-то парировал Авдей Кузьмич.
- Тебе никто не предлагает, - бесстрастно заметил Огурцов.

Картинка была еще та: двое мужчин, один в резиновых забродах и приличной одежде, другой в домашних шлепках на босу ногу, трениках и линялой футболке с логотипом известной спортивной фирмы, явно полученной по наследству, замерли у перепачканного в грязи чемодана и обрывочно рассуждают о возрасте и планах на будущее. Чуть позади стоит женщина и задумчиво крутит на голове замысловатую прическу а-ля Бриджид Бордо - бабетту. Но без челки. И тоже пристально изучает песочно-зеленый чемодан. Не просто изучает, гипнотизирует.

И вдруг женщина опомнилась, позабыв о сооружении бабетты, и начала пятиться, приговаривая:

- Ребята, нам лучше отойти на безопасное расстояние и вызвать специалистов, пусть они разбираются с этим... чемоданом. – Последнее слово она произнесла с такой неприязнью, словно обозначенный чемодан преследовал ее несколько дней.

Ребята вопросительно взглянули на нее. Матильда встряхнула свои роскошные волосы, они сексуально рассыпались по плечам. В груди Михаила что-то загорелось, а в животе поселилась жаба, предосудительно квакнув. Или жаба затаилась в камышах, и оттуда издает привычные звуки. Мишка так и не понял по причине накатившего волнения. Ноги стали

пластилиновыми, то и гляди, подогнуться. Миша мысленно обругал находку последними словами, коих в его водительском лексиконе было предостаточно. В присутствии интеллигентной особы он постоянно себя контролировал, старался показать свою образованность, подняться до уровня ее мужа-полковника. Уж, не знает, каким он парнем был, возможно, супруга его идеализирует, вознося на пьедестал. Рад, что в последнее время все реже и реже возносит его. А однажды обмолвилась, что характер у ее Владимира Андреевича был сложный. Если что надумает, его не переспоришь, будет стоять на своем. И на желания близких людей ему всегда было наплевать. Огурцов хотел развить тему – разве так можно себя вести с любимой женщиной?! Он бы никогда себе не позволил... Но промолчал. Мотя может говорить сдержанно-плохо о покойном муже, он – нет. Лучше пусть, вообще, меньше о нем говорит.

Михаил непроизвольно отступил на два шага и уперся пятками в поваленное дерево. Едва не свалился наземь. Авдей сначала не сдвинулся с места, а потом встал на колени и бесстрашно приложил ухо к песчано-зеленой поверхности чемодана.

- Тихо, - шепотом сообщил он. Попытался еще раз что-то расслышать. Видимо, не удалось. Поднялся на ноги, отряхнул запыленные колени и, добавив в голос трагизма, высказал свои соображения. – Думаю, надо вызывать полицию.

- Зачем полицию? - удивилась Матильда, успевшая перекинуть на грудь волосы. Она любовно, но с долей нервозности, поглаживала волосы рукой, словно успокаивала себя после взбудораживающей новости. Но новость-догадка пока не прозвучала.

- Надо, - коротко ответил Авдей Кузьмич и исподлобья взглянул на Огурцова. Тот вернулся на покинутые позиции, склонился над чемоданом и повел носом.

- Думаешь, там...

- Думаю, - прервал его на полуслове приятель.

- Нам надо его вскрыть, чтобы убедиться в своих догадках. И не выглядеть перед оперативниками неврастениками-выдумщиками.

- Могут и штрафануть за ложный вызов.

- Вполне.

Они переговаривались шепотом. Матильда стояла от них в нескольких метрах, возле плакучей ивы, и отлично слышала их диалог. Найдя ощутимую поддержку у дерева, вкрадчиво спросила:

- Ребята, там труп?

- Мотенька, давай я тебя провожу до номера. Не хочешь сидеть в номере, можешь... погулять по аллеям базы или покататься на качелях.

- Ничего умнее предложить не мог?! – возмутилась женщина, непроизвольно вспомнив утреннее приглашение в кинотеатр «на мультики», и без дополнительных уговоров зашагала к лазу в заборе.

Оказавшись на территории базы, не удержалась от любопытства и посмотрела на мужчин, которые по-прежнему пялились на чемодан, обступив его с двух сторон. Потом Авдей поднял голову и что-то сказал Михаилу. Тот кивнул, отстранил рукой приятеля, присел на корточки и начал осторожно тянуть за «собачку» на молнии чемодана. Авдей не удержался и принял ту же присядочную позу, уперев кулаки в землю, поэтому стал похож на человекообразную обезьяну. Матильда Леопольдовна, как молодая лань, вернулась назад и перебежками добралась до облюбованной ранее ивы, которая, невзирая на осень, пребывала в зеленом убранстве. И не собиралась ни менять цвет наряда, ни расставаться с ним. Последнее было на руку любопытствующей особе, которую удалили с поля действий.

«Собачка» преодолела положенный ей путь до конца. Огурцов не спешил открывать чемодан, принюхивался и морщился. Авдей Кузьмич закашлялся и отвернулся, но на ноги не поднялся. Со своего тайного места Аккуратова отчетливо видела два мужских профиля, пока закрытый чемодан, но никакие благоухания до нее доходили. Но инстинктивно тоже поморщилась, и прикрыла нос ладонью. Впервые появилось острое желание сбежать, прихватив двоих мужчин за руки, как малых детей. Сбежать как можно дальше и забыть о находке. Но любопытство все же пересилило. Для собственного спокойствия Матильда зачем-то прищурилась, поэтому все окружающие предметы начали подрагивать, как при плохой телетрансляции.

Огурцов приступил к медленному отрыванию крышки чемодана. А женщина с прищуренным взором, изваянием замершая под плакучей ивой, на все лады кляла этот чемодан, позабыв, кто явился инициатором его спасения из грязной жижи. Открывание поначалу вызвало затруднение – что-то внутри чемодана помешало легко отбросить крышку. Но отбросить одним движением руки мужчина не собирался, оттягивал момент появления его содержимого. Когда крышка откинулась, мужчины отпрянули, а женщина под ивой издала звук, похожий на крик чайки. Поэтому мужчины никак не отреагировали. Тем более, содержимое чемодана их повергло в шок, хотя, увидеть нечто подобное были готовы.

Вот, бедолага, - задушено проговорил Авдей Кузьмич. – Кто ж тебя так, как же это, - продолжал причитать он. – Что ты скажешь, изувер и всё. Точно изувер. Убил женщину, уложил ее тело в чемодан и вывез на берег реки... Мишка, прикрой... это... Прикрой ее.

Мишка захлопнул крышку, но молнию застегивать не стал. Встал «руки в боки» и протянул:

- Теперь точно надо вызывать полицию.

Матильду начало тошнить. Она зажала рот рукой, словно это могло ей помочь. Хотела и не могла отвести взгляд от чемодана, в котором легко поместился труп женщины. Как замороженная, невзирая на отвращение, Аккуратова подошла к мужчинам. Михаил совсем не удивился ее неожиданному появлению. Хотел увести ее подальше, но она заупрямилась.

- Открой, - попросила Мотя чужим, дребезжащим, как несмазанная телега, голосом.

- Не нужно тебе...

- Миша, открой.

Он возмущенно посопел, после чего резко отбросил крышку чемодана, на этот раз без проблем.

Поначалу перед глазами Матильды всё расплылось, потому как она опять прищурилась, потом зрение сфокусировалось не на всем теле жертвы, а лишь на правой руке, безмятежно сомкнутой с левой рукой. Можно было

подумать, что у женщины блажь - спать в чемодане на левом боку, сомкнув ладони, упаковавшись на замок-молнию, чтобы никто не мешал. Матильде иной раз тоже хотелось упаковаться, чтобы никто не нашел, не помешал саможалению.

Судя по состоянию трупа, убийство произошло недавно, - со знанием дела подумала любительница детективов Аккуратова. – Медик-профессионал скажет точное время. - Она специально пыталась абстрагироваться, но как не старалась, не могла отвести взгляд от родимого пятна овальной формы на указательном пальце правой руки, ниже сустава. Она отлично помнила это родимое пятно, походившее на перстень с камнем. Бугристое, ярко выраженное, которое с годами стало еще заметнее...

Лильку Капустину ее родимое пятно на пальце всегда раздражало. Она стеснялась его, в незнакомой компании прятала под широким пластырем. А когда пластырей еще не было, в их детстве, заматывала палец бинтом. И говорила, что порезалась. Особо жалостливые люди ей сочувствовали и давали советы по лечению порезов. Лилия внимательно слушала и кивала. Не забывала морщиться и почему-то дуть на палец-колбаску, замотанный замурзанным бинтом.

Чем Лилька только не мазала свое противное родимое пятно, ничего не помогало. Подруга предлагала не обращать внимания. Капустина парировала:

- Как же не обращать внимания, если все люди только и делают, что смотрят на этот чертов палец. Смотрят не на мое лицо, не на то, в чем я одета, что у меня на ногах, не слушают, что я говорю, а беззастенчиво прилепливают взгляд к указательному пальцу правой руки. Может, кислотой пятно вытравить?

- Рехнулась девочка, - ставила диагноз Матильда.

- Тебе легко говорить, у тебя нет изъязнов.

- Изъянов нет, а имя? Тебе бы понравилось, если бы тебя назвали Матильдой?

- Имя как имя. Редкое. И в этом есть плюс. Если оно тебя не устраивает, то можно сменить имя, когда будешь паспорт получать.

- И сменю! – с вызовом ответила Матильда Мулдашева.

В то время ей было пятнадцать, через год получила паспорт, где в графе имя было написано – Матильда. Обладательница редкого имени решила его не менять. Лен, Люд, Маш, Марин – полно. Матильд в ее окружении нет.

Еще бы никто не назвал ее Мотей, было бы вообще великолепно. Но она не возмущалась, когда называли Мотей. А некоторых ретивых дразнильщиков, кричащих ей вслед: «Тетя Мотя, тетя Мотя, подбери свои лохмотья!», верный друг Мишка быстро осаживал. Был он крупным парнем с внушительными кулаками.

Так Матильдой и дожила до пятидесяти восьми. И дальше жить будет.

А Лилька, любимая подруга, Дюймовочка, коротышечка, как она ее любовно называла в школе, остановилась на этой цифре...

Они очень давно не виделись. А в последнее время и перезванивались редко. Как давно общались по телефону? Год? Или меньше? Отдалились друг от друга. С появлением Огурцова Матильда забыла о близкой подруге, он вытеснил ее.

Не нужно переводить стрелки за другого человека. Могла взять и позвонить, не оправдываться дороговизной телефонных звонков, занятостью, чьим-то вмешательством. Старший внук давно предлагал подключить скайп. Можно трепаться, сколько душе угодно. Не только трепаться и визуально оценивать. Оценивать. Этого и боялась Матильда. Подруга быстро найдет массу изменений. И не преминет сказать об этом. Лиля всегда была остра на язык. Может быть, за это ее и...

Почему не сообщила, что приезжает в Россию? Хотела сделать сюрприз? Она обожала сюрпризы.

Но кто мог ее убить?

Об этом размышляла Аккуратова, сидя на бревне, услужливо перенесенном ее другом на значительное расстояние от места работы оперативников. Пока ее не допрашивали, но дали выпить какую-то горькую настойку – для успокоения. И предложили вернуться в свой номер. Настойку она безразлично в себя опрокинула, уходить отказалась. Присела на бревно и постаралась ТУДА не смотреть. Если бы и хотела, ничего не получилось - заслоном служили Авдей Кузьмич и Михаил Леопольдович. Последний озабоченно поглядывал на нее, но подходить и что-то спрашивать не решался. Матильда сидела с каменным лицом, и вспоминала, вспоминала.

С Лилькой они вместе ходили в детский сад. С Лилькой вместе ходили в школу. Сидели все десять лет за одной партой. Их рассказывали, а они начинали «вести себя безобразно», о чем сообщала родителям классная руководительница, редкостная змея, препротивная старушка лет пятидесяти. Ей давно надо было сидеть дома и вязать внукам шерстяные носки, а она учила детей читать и писать. Мотя с Лилей ее открыто ненавидели, она постоянно снижала им оценки и жаловалась родителям по любому поводу. Сначала родители как-то реагировали, потом перестали обращать внимания, заметив ее предвзятое отношение к их детям. Все – и обе девочки, и их родители – вздохнули с облегчением, когда закончилась начальная школа. С пятого класса их никто не пытался разлучить. Именно с пятого класса они еще сильнее сроднились, потому что потеряли отцов.

Старшие Мулдашевы сдружились со старшими Капустиными, когда девочки пошли в первый класс. Когда они ходили в детский сад, ограничивались приветствиями и короткими репликами. Отцы сошлись благодаря пристрастию к зимней рыбалке. Фанатическое пристрастие их и сгубило – решили порыбачить на тонком льду. Мать Лили скоростижно скончалась нас следующий день после бракосочетания единственной дочери, посчитав свою миссию на земле выполненной. Лилька тогда сказала подруге:

- Это знак!

- Не пори горячку! – ответила та. – Сама знаешь, что у твоей мамы была гипертония, а заниматься своим здоровьем она не желала, с головой была погружена в науку.

Это мать познакомила дочь с будущим мужем. Артем устроился в их НИИ после окончания университета, несколько лет Капустина-старшая к нему присматривалась, потом решила устроить молодым людям «случайную» встречу. В своей бухгалтерии швейно-кожевенного комбината Лилька вряд ли нашла себе потенциального жениха. Сама говорила, что там мужиков раз-два и обчелся, и те ни рылом, ни интеллектом не вышли. У Артема Дятлова что лицо, что интеллект были незаурядными. Она сразу на него клюнула, а он... Наверное, он тоже полюбил Лилию. Но особенной любовью. Безучастной. Замороженной что ли. Матильда не смогла бы с этим смириться. Но это она. Лильку всё устраивало до поры, до времени. Бухнет об пол посудину, разбудит муженька и живут дальше. Когда надоело каждый раз будить, нашла себе взрывоопасный элемент по имени Эрнесто Альмейда. Из одной крайности в другую. Капустина пережила с ним нелегкие времена, были и бедность, и болезни. Потом будто бы всё наладилось. По крайней мере, сама так утверждала. Автомастерская Эрнесто стала, наконец, приносить неплохой доход. Естественно, по меркам Острова Свободы. Но Лилия подкопила денег и приехала на Родину. Они проговорили сутки, все не могли расстаться. Благо, мачо-кубинец остался дома. Капустина намекала, что не против навсегда остаться в России, ждет предложений от Дятлова, у которого она остановилась, отказавшись от гостеприимства Матильды. Потому и отказалась, что питала надежды на воссоединение. Дятлов не разгадал ее планов, гордая Капустина не предложила себя в качестве супруги. Но любовниками они на время стали. И Лилька поделилась, что подобных эмоций она в первом замужестве не испытывала. А еще говорят, что возраст мужчины находится в прямой зависимости с сексуальными способностями. Откровения подружки заставили Аккуратову зардеться. Причем так зардеться, что Лилька предположила, что у нее повысилась температура. А Мотя вспомнила свой единственный адюльтер с Дятловым, случившийся за шесть лет до этого.

В последний приезд Лильки на Родину им было всего-то по сорок пять. Владимир еще служил, Матильда вырвалась в родной город на несколько дней, чтобы повидаться с подругой. С Дятловым встретиться не довелось. Она и не стремилась. Мать Матильды не мешала общению подруг, чем-то их угощала и удалялась. Лилька ей была, как дочь...

Хотя, в последнее время почти не перезванивались, но Аккуратова знала, что где-то далеко живет ее очень близкая подруга, которой всегда можно позвонить и поделиться. Например, отношениями с Огурцовым, который учился с ними в одном классе, и все десять школьных лет ухлестывал за Мотей. Лилька не ревновала, но в десятом классе спросила, наблюдая за петушистыми выходками Мишки:

- Неужели ты собираешься за него замуж?

Мотя тогда отмолчалась, не стала говорить, что хочет выйти за Мишку замуж. Мать, в отличие от подруги, благосклонно к нему относилась. Или благосклонность была до поры, до времени, пока они не объявили о своих планах? Мать не считала их отношения серьезными. Детство проходит, прихватывая детские увлечения.

Вопрос подруги заставил усомниться в собственном решении, кажущемся незыблемым. В итоге, Матильда предпочла убраться из города, чтобы сдать вступительные экзамены в другой вуз. А Лилия, умная, уверенная в себе, целеустремленная, с легкостью поступила в институт народного хозяйства. Так в советские годы назывался теперешний Государственный Экономический Университет. Теперь в этот университет мечтает запихнуть своего сына дочь Матильды. Бабушка поддерживает желание внука выбрать профессию самостоятельно.

Лилька сдулась на первом курсе – пропало всякое желание становиться экономистом. Поступила в вуз в знак протеста – ее мать, доктор физико-математических наук, мечтала, что дочь пойдет по ее стопам. Действительно, у Лильки были необычайные способности к точным наукам. Но решила - точные науки пригодятся и в институте народного хозяйства. Потеряв к учебе интерес, не стала говорить об этом матери. Напротив, делала вид, что будущая профессия – мечта всей ее жизни. Пришлось доучиваться и получать диплом. После чего мать предложила устроиться к ним в НИИ в экономическо-бухгалтерский отдел. Протекции Капустина презирала, ненавидела косые взгляды, которыми ее обязательно будут сопровождать в том самом НИИ. Раз получила распределение на швейно-кожевенный комбинат, туда ей и дорога. Не забыла произнести пламенную речь перед матерью о потраченных государством деньгах на ее обучение, которые она

обязана отработать на указанном ей предприятии. Научная мать, не являющаяся членом единственной в ту пору партии, которая направляла и определяла всех и вся, при сухих штамповых речах всегда уходила в себя. Так и не поняла, почему ее дочь устраивается на работу на какой-то там комбинат, если ей предлагают хорошее место среди высокообразованных людей. Но, как обычно, оспаривать не стала. Единственным случаем консенсуса между матерью и дочерью стал Артем Михайлович Дятлов, младший научный сотрудник НИИ математической физики. До самого отъезда на Кубу Капустина продолжала работать на комбинате, быстро докарабкалась до должности заместителя директора по экономике...

Неужели Дятлов знал о приезде Лили и ничего мне не сообщил, - подумала Матильда. - Если бы я была посвящена в ее планы, то отправилась встречать ее в аэропорт. И тогда бы с ней ничего не случилось...

Да, в аэропорт. Матильда усмехнулась, вспомнив, как спешно собиралась в поездку в родной город, чтобы встретится с Лилией. Рассказывала об этом трехлетнему внуку, который пока был в единственном экземпляре. Он слушал, слушал, потом спросил: «Твоя Лиля на поезде приедет?» Он очень любил поезда. Бабушка объяснила, что поезда на Кубу не ходят...

Моте хотелось побывать на Кубе, Лилька всегда приглашала, но сдержанно, между прочим, в надежде, что на ее приглашение не откликнутся. Подруга это чувствовала, интересовалась, всё ли у нее в порядке. Лилька бодро отвечала, что у нее всё отлично. Конечно, скучает, но это временное явление, у нее забот полон рот. Без ее участия автомастерская Эрнесто давно бы загнулась.

Ну, почему не позвонил Дятлов? Неужели так сложно набрать знакомый номер и сообщить о приезде бывшей супруги. Всё тайны, покрытые мраком. Не нужны в их возрасте сюрпризы, они обухом бьют по больной голове. Лучше заранее предупредить, подготовить.

Артем Михайлович Дятлов зазнался. Как же, профессор, заведует кафедрой в престижном вузе... Старенький уже... Шестьдесят пять... Как сторожу Авдею...

Прошло двадцать лет с той памятной лишь для нее встречи, а она все стыдится. Сколько этих любовных встреч было у Дятлова?! Забыл давно о какой-то Матильде Аккуратовой. Тоже мне – звезда экрана. Незачем ее помнить.

Незачем ворошить прошлое, - урезонила себя Мотя.

- Как ты? – спросил Огурцов, вырастая рядом и по-прежнему старательно загораживая ТО место от нее.

- Сижу, - прохрипела женщина.

- Не озябла?

- Мне жарко. Солнце сегодня горячее, почти как летом.

- Бабье лето.

- Да, бабье лето.

- Чем я могу...

- Ничем, - не дослушала Матильда. Взяла Мишу за руку и усадила рядом с собой на бревно. – Ведь ты ее не узнал? – С укоризной спросила она, будто это могло что-то изменить.

- Я... не рассматривал. Жутко. Удивительно, что ты заметила родимое пятно.

- Ничего другого я не увидела. Только кисть руки. И пятно. Такое узнаваемое... Миш, ты сказал полицейским о Дятлове? Вдруг он что-то знает.

- Что он может знать? Он давно живет в Германии. Ты не знала?

- Нет, - покачала головой Аккуратова. – А ты откуда знаешь?

- Случайность. Когда вернулся в наш город, частенько подрабатывал извозом. И сейчас бывает. – Он покосился на Матильду. Она отнеслась к его признанию безучастно – не ворует же. – Как-то доставил пассажира до дома, тут подходит представительный мужик и говорит: «Выручай, опаздываю в аэропорт, у такси колесо спустило, пока будет менять, пока буду вызвать другое такси, самолет улетит без меня». Пока добирались по «пробкам» в

аэропорт, я заметил, как он жадно смотрит на город, подумал, приезжий. Разговорились. Он признался, что прощается с Родиной навсегда. Предложили в Германии хорошую работу. Здесь его никто не держит. Коротко рассказал о жизни. Думал, что вся жизнь впереди, разменивался по пустякам, а жизнь-то и пролетела. Ни семьи, ни детей. Я поинтересовался, неужели никогда не был женат, думал, нашел родственную душу. Он назвал имя бывшей жены. Честно признаться, я обалдел. Говорю, мы с вашей супругой в одном классе десять лет проучились. Надо же, - покачал он головой. – Лилия живет на Кубе. Давно уже. Вышла замуж за кубинца.

- Может быть, Дятлов вернулся в Россию? Вдруг у него в Германии что-то не заладилось. И не так давно это было. А всего лишь три года назад. Ты три года как вернулся.

- Не думаю. Его здесь никто не ждет, - повторил он слова самого Артема Михайловича.

- Здесь все родное, там все чужое. В нашем возрасте трудно менять насиженное место.

Хорошо, что не сказала – трудно менять что-либо, - подумал Огурцов. – Место можно не менять. Я не гордый, могу и к тебе переехать... Лилю жаль, конечно, но не могу не думать об этой женщине, сидящей рядом с восковым лицом. Господи, как же я ее люблю!

- Получается, Капустина ехала ко мне? Больше у нее здесь никого нет.

- Это не причина винить себя в ее смерти. Уверен, полиция найдет преступника. Если надо, вытащит из Германии Дятлова...

- Ты думаешь, он... замешан?

- Откуда мы знаем, что их связывало?

- Миша, подумай, как нам найти телефон Дятлова и поговорить с ним до того, как с ним свяжется наша полиция!

- Подумаю, - деловито ответил Огурцов, совершенно не представляющий, как найти бывшую русскую иголку в стоге немецкого сена.

- Он называл тебе город, в котором собирался обосноваться?

- Кажется, в Берлине.
- Кажется или точно?
- Точно, в Берлине.
- Если в Берлине, это хорошо. В Берлине живут родители моего зятя. Я им позвоню и попрошу найти телефон Дятлова Артема Михайловича... Михайлович им вряд ли понадобится, там отчества не приветствуются... Почему ты на меня так смотришь?
- Полицейские нашли в чемодане обрывок багажной бирки. Похоже, что наша Лилия летела в Россию через Берлин.
- Ближний свет, - брякнула Матильда.
- По всей видимости, хотела увидеться с бывшим мужем.
- У тебя такой всезнающий вид, будто ты... будто ты был случайным свидетелем убийства. И видел своими глазами, как... Артем с ней... расправился, запаковал в чемодан и отправил в Россию.
- Глупости говоришь... А почему ты каждый раз дергаешься, когда произносишь фамилию бывшего мужа Лильки?
- Устрой мне еще сцену ревности, самое время.
- Вот значит как, - вскинул брови Михаил Леопольдович. – Сама во всем призналась.
- Ми-ша, - по слогам проговорила Матильда, - убили мою подругу, а ты... - Она задохнулась от возмущения.
- Хотя бы какие-то эмоции появились, а то сидела, как неживая.
- Мне надо позвонить зятю, я свой телефон в сумке оставила. А сумка в номере.
- Тебя проводить?
- Будь любезен...

Зятю хватило слова «надо». Надо позвонить в Берлин и передать просьбу Матильды Аристарховны.

- Как много понадобится времени? - спросила теща булькающим голосом. Зять догадался, что она пребывает в большом расстройстве. На всякий случай спросил:

- Лично у вас все нормально? Не у кого-то, а лично у вас?

- Потом все тебе расскажу.

- Ладно... Но вы... держитесь. Если от меня что-то потребуется, то я всегда готов, - предложил своим услуги зять, отношения с которым у тещи всегда были теплыми, дружески-уважительными.

- Пока только номер телефона Дятлова, - ответила она и повторила, - поиски займут много времени? Это очень важно для меня.

- Не думаю. По телефонному справочнику легко вычислят вашего Дятлова. Я позвоню.

- Звони на мобильный, я не дома...

Зять перезвонил через двадцать две минуты. Матильда постоянно смотрела на часы. Она вслух повторила номер телефона Дятлова в Берлине, Огурцов «забил» номер в свой мобильный телефон.

- Что же делать? – задалась вопросом Аккуратова, вертя в руках свой телефон. – У меня на счету мало денег, хватит только на соединение.

- Звони с моего, надеюсь, денег хватит.

Артем Михайлович ответил сразу. В трубке шумела берлинская улица, Матильде показалось, что она перенеслась туда чудесным образом. И отчетливо представила представительного мужчину с седыми висками, по-прежнему привлекательного.

- Артем... Михайлович, это Матильда Аккуратова. Помнишь меня?

- О! Матильда! Я очень рад тебя слышать.

- Артем, у нас беда. Лиля погибла, - не стала рассусоливать женщина.

- Как... погибла? Она гостила у меня неделю, потом отправилась в Россию. Обещала перезвонить по приезду, и как обычно забыла. Я пытался до нее дозвониться, но у нее телефон отключен. Поначалу забеспокоился, но узнал, что самолет вовремя приземлился в аэропорту, и успокоился. Понадеялся, что она вспомнит обо мне и все-таки позвонит.

- Почему меня не предупредили?

- Лиля не пожелала. Хотела сделать сюрприз.

- Так я и думала!

- Матильда, ты... ничего не напутала?

- Увы. Артем, что она тебе рассказывала о себе, о своей жизни на Кубе?

- Наша Дюймовочка овдовела полгода назад.

- Что ты говоришь! И мне ни слова! Эрнесто был еще молод. Кажется, он моложе Лильки на восемь лет.

- У него давно были проблемы с желудком. Лечился, будто бы вылечился. А потом стало хуже. Проверили, а там онкология. Лиля боролась, заставляла Эрнесто бороться за жизнь, но конец наступил. Она пожила на Кубе некоторое время, потом продала свой автобизнес, и отправилась ко мне в Германию. Мы поняли, что нам надо жить вместе. Лилька все равно дала мне и себе время на раздумье и заявила, что поедет к Мулдашевой. Она тебя всегда называла девичьей фамилией.

- Я знаю.

- Матильда, я не верю, что Лили больше нет. Она такая живая, такая молодая, шустрая... Как была авантюристкой, так ею и осталась. У нас было столько планов на будущее... Я не могу поверить, - обескуражено повторил Дятлов. - Ошибки быть не может? Вдруг это не Лиля?

- Я сама... видела... ее тело, - невнятно произнесла Матильда, с трудом ворочая языком. Облизала пересохшие губы, тяжело вздохнула и более решительно заявила, - я хочу найти нелюдей, расправившихся с моей подругой. И ты обязан мне помочь. Раз ее убили сразу по прилету, то след тянется из Германии. Не может след тянуться с Кубы.

- Ты права, - быстро согласился Дятлов.

- Ты не заметил ничего подозрительного?

- Подозрительно? Кажется, ничего... Впрочем... Кое-что случилось перед вылетом. Я раньше знал, что каждые три месяца в аэропорту проводится аукцион забытых вещей, но теперь убедился воочию. Если багаж остался невостребованным, то через некоторое время его выставляют на аукцион. Желających купить чужой багаж немало. Тайна разжигает азарт. Часто люди покупают совершенно ненужные вещи, бывает и удачные приобретения. Естественно, твоя подруга не могла пройти мимо. Ей удалось купить на аукционе чемодан большого размера. На размер она и клюнула. Сказала мне: «Чем больше чемодан, тем в нем больше интересного».

Матильда закатилась кашлем. Еле успокоившись, поинтересовалась:

- Вы вскрывали этот чемодан?

- Думаешь, Лилька могла утерпеть? Открыли, не отходя от кассы.

- И что в нем было?

- Ничего сверхнеобычного – мужские вещи. Дежурный набор. Но потом началось самое загадочное. К нам подошел странный субъект, который, по всему, следил за нами и слышал наш невинный разговор, догадался, что мы русские, поэтому обратился к нам на чистом русском языке, предложил перекупить этот чемодан. Заявил, что это его багаж, он забыл его забрать, потом оказался в больнице, только сегодня выписался, узнал об аукционе, но опоздал. Здесь есть правило – если хозяин объявляется, то покупатель обязан вернуть ему багаж. Ни Лиля, ни странный мужчина об этом не знали. Я хотел вставить слово, но твоя подруга на меня цыкнула. Я бы все равно уговорил ее продать чемодан настоящему владельцу, если бы владелец, действительно, был настоящим. Лиля тоже в этом сомневалась и попросила перечислить содержимое. Кроме романа Достоевского «Идиот», все остальное назвал с ошибками. Надо знать дотошность Лили, она спрашивала, какого цвета сорочки, сколько пар носок, и все в этом духе. Он долго уговаривал нас продать за хорошие деньги хотя бы книгу, видите ли, это память о дедушке. На что Капустина ответила: «Свежо преданьям, а вериться с трудом. Книга издана в этом году. Дедушка вам подарил роман

Достоевского, и сразу же отдал концы?» В итоге мужчина остался с носом, а Лилька потащила в Россию не только свой чемодан, но и новое приобретение. Зачем он тебе? – спросил я.- На всякий случай, - ответила она. – Мы с Мотей вытрясем из чемодана всё и поймем, почему этот тип за ним охотился. Явно это не его чемодан. Но он знает, что в чемодане есть роман Достоевского. И это значит, что именно книга его интересует. На всякий случай надо проверить наличие тайных мест в чемодане, вдруг ключ к разгадке находится там. Чемодан или одну книгу этому типчику должен был передать курьер, но почему-то не передал. С курьером что-то случилось, забрать чемодан без квитанции другой человек не мог, пришлось ждать аукциона. Но на аукцион он опоздал. Лиля его опередила, и купила этот пресловутый чемодан с романом Достоевского.

- Я с тобой полностью согласна - всё дело в чемодане. Точнее – в книге. Лилька была, как всегда, права. И уверена, что убийца летел с ней одним рейсом. Надо узнать, кто купил билет в последний момент, и мы его обязательно вычислим.

- Если я один не справлюсь, то подключу людей, которые имеют право задавать подобные вопросы.

- Артем, заодно узнай, кто сидел рядом с Капустиной. Зная ее словоохотливость после какого-то необъяснимого события и боязнь перелетов, могу представить, что она трещала весь полет безумолку.

- Сделаю всё, что в моих силах, и больше того. А потом сразу же вылечу в Россию.

- Если будут новости, тотчас звони. Пока ты будешь добираться, я успею пообщаться с ее соседкой или соседом.

- Матильда, погоди...

- Что-то еще?

- Забыл сказать. При расставании Лиля спросила: «Тема, тебе это типчик никого не напоминает?» Я лишь хмыкнул, побоялся развивать тему, иначе она стала меня убеждать, что типчик нам обоим знаком, что я просто обязан

его помнить, так как у меня отличная память на лица. Я помню своих студентов выпуска двадцатилетней давности.

- А тебе он не показался знакомым?

- Нет. Я его пристально рассматривал, когда Лиля подвергла его тщательному допросу. Следил за его мимикой.

- Раз ты его не опознал, из этого следует, что ты с ним никогда не пересекался, пересекалась только Капустина... Артем, сколько этому типчику было лет? Приблизительно.

- От тридцати до тридцати пяти.

- Так значит, - задумчиво протянула Аккуратова. – Тогда Лилька не могла встречаться с ним в России. Когда она была здесь последний раз, он еще под стол пешком ходил. Пусть не под стол, но был прыщавым подростком, - поправилась она. – Едва ли он мог чем-то заинтересоваться мою подругу.

- Лиля еще добавила, что ты можешь его знать.

- Я? Почему я?

- Мне показалось, что Лиля решила, будто этот типчик ей кого-то напомнил. Скорее всего, его отца. Или старшего брата, с которым вы обе были знакомы. Так мне показалось, - повторил Дятлов.

- Старший брат отпадает по известной причине – молод был. А отец... Отец может быть. Если тому приставучему мужчине тридцать-тридцать пять, то отцу... - Матильда на время задумалась, погрузившись в несложные подсчеты. - Отец может быть нашим с Лилькой ровесником. Следовательно, мы с ним вместе учились в школе.... Артем, мне нужен список пассажиров рейса, на который у Капустиной был билет. Не надо осложнять себе задачу и выискивать, кто приобрел билет в последний момент.

- Я понял...

После дачи показаний, Огурцов повез Аккуратову домой. Она была собрана и настроена по-боевому. Желание найти убийцу любимой подруги

перевесило боль утраты. Боль закапалась поглубже, пообещав вернуться после того, как преступник окажется за решеткой.

- Мы может сами узнать, кто сидел рядом с Капустиной в самолете, - сказал Михаил Леопольдович. – Дятлов назвал тебе номер рейса?

- Забыла спросить. Но из Берлина не так много рейсов в наш город. Дату мы знаем. Это было позавчера. Думаешь, нам предоставят эту информацию?

- Не знаю, попробовать можно. А почему ты ничего не рассказала полицейским?

- Они посчитали бы меня выжившей из ума. Сначала я заявила, что пятнадцать лет не видела Капустину, и не знала, что она собирается лететь в Россию, а потом вдруг начала нести околесицу об аукционах невостребованных вещей, о странном субъекте, мечтающим заполучить роман Достоевского. Не хочу впутывать сюда Дятлова. Он придет, и наши следственные органы возьмут его в оборот. Кто убил, если не он? Проще простого, навесить убийство на него и закрыть дело...

Не сговариваясь, Огурцов и Аккуратова вместе поднялись в ее квартиру. Матильда быстро переделась и собралась ехать в аэропорт, но Михаил ее осадил.

- Давай дождемся звонка Дятлова. Займи себя чем-нибудь.

- Чем? Еще скажи – ложись, поспи! - Матильда давно забыла, что мечтала вздремнуть. Сон как рукой сняло, когда она обнаружила в камышах чемодан.

- Тебе необходим отдых. Просто прими горизонтальное положение и закрой глаза. Никто не заставляет тебя спать.

-Я не могу лежать, у меня все внутри колышится! Надо действовать, что-то делать. – Аккуратова продолжала наматывать круги по квартире. То отдалялась, и говорила громче, то вновь появлялась в кухне, где находился Огурцов. Каждый раз ее появление сопровождалось заглядыванием в окно, будто она поджидала человека, который бессовестно опаздывал. У окна она долго не задерживалась, вновь исчезала из кухни, вновь повышала голос и уговаривала приятеля отправиться в аэропорт. В итоге он сдался.

- Поехали, раз тебе дома не сидится. Будем там ждать звонка от Дятлова.
- Не просто будем ждать, а попытаемся что-то узнать.
- Хорошо, попытаемся, - не стал спорить мужчина. Но все-таки добавил, - вдруг нужный нам пассажир живет неподалеку? Будем терять драгоценное время.
- Положа руку на сердце, я сильно сомневаюсь, что от него или от нее мы узнаем что-то новое. Я на всякий случай сказала об этом Дятлову. Лилька могла поделиться распирающими ее новостями, но типчик, напомнивший ей кого-то, не решился к ней подойти еще раз с предложением о покупке книги Достоевского. Напротив, он сохранял свое инкогнито до конца полета. Даже мог что-то сделать со своей внешностью, чтобы его не узнали. Не кардинально, естественно, иначе его облик не будет совпадать с фотографией в паспорте и на борт лайнера его не пустят.
- Темные очки и бейсболка привлекают внимание еще больше, - вставил Михаил Леопольдович. Матильда Аристарховна посмотрела на него с такой ошарашенной укоризной, словно он забыл таблицу умножения и признался ей в этом.
- Миша! Тебе не кажется, что мы говорим не о том, - с осуждением в голосе промолвила она, позабыв, кто является инициатором этого разговора.
- Мотя, ты забыла запереть входную дверь, - напомнил Огурцов, проводив взглядом связку ключей, которую хозяйка квартиры подержала в руках, потом отправила в сумку.
- Голова дырявая, - бурнула она, закрыла два замка и возглавила шествие на улицу.

До аэропорта тянулись на «Ладушке» долго, водители спешили после работы домой, перед каждым светофором вереницей стояли автомобили. Красный свет разрезал вереницу на части. Оставшиеся автолюбители завидовали впереди стоявшим, успевшим проскочить на зеленый. Нарушителей дорожного движения было немало, Огурцову, профессиональному водителю, привычно хотелось припечатать их крепким словом, но рядом сидела Матильдаа, пусть и в пространном состоянии, но

непечатное выражение, запикиваемое на телевидении, способно вернуть ее в реальность. Сейчас не тот момент, чтобы осуждать, делать скорые выводы и менять отношение согласно этим выводам, но все же лучше сдерживаться. Михаил привык себя контролировать в ее присутствии до такой степени, что уже контролировал себя без нее. Постепенно избавлялся от вредных привычек, которые пустили в нем длинные корни. Кто бы мог подумать, что он способен измениться, стать совершенно другим человеком: мягким, сдержанным, читающим запоем всё подряд. Даже перечел кое-что из школьной программы. Всё ради нее. Чтобы соответствовать. Разве это не любовь? Самая настоящая – пламенная, бешеная, чувственная, безумная, бодрящая, молодящая, всежелающая – любовь, которой все возрасты, как известно, покорны. Так утверждал Пушкин в своем «Евгении Онегине». И «Онегина» он тоже прочел. Легко, в один присест. И почувствовал себя одухотворенным. Очистился от вязкой слизи, заполнившей нутро.

Один раз профессиональный водитель все же не сдержался и обозвал зарвавшегося наглеца хамом. Почти шепотом обозвал. Но на всякий случай покосился на Матильду, пребывающую в своих печальных мыслях. Повысил голос и сказал:

- Что за люди! Для них закон не писан!

- Я тоже думаю, что будет дождь, - глубокомысленно изрекла женщина, впившись взглядом в шоссейное покрытие, отвечающее за смену погоды.

- Не думаю, - парировал повеселевший Михаил: она не услышала его «диагноза», заговорила на тему, не касаемую болезненной темы, и славно. – Бабье лето в полном разгаре! – с восторгом заметил он и вдохнул полной грудью. Рассчитывал заполучить в легкие неповторимый аромат осеннего увядания, а вкусил аромат выхлопных газов. Нещадно закашлялся. Матильда покопалась в сумке, вытащила барбариску и протянула приятелю. Тот хотел забрать конфетку, но она сама развернула и засунула ему в рот. Ее рука коснулась его губ – совсем невинное движение, но оно заставило его затрепетать. Огурцов мысленно осудил себя: «Что ж ты себя ведешь, как невинный пацан». Осудил, но расцвел в приближенной улыбке, такой несвоевременной. Хорошо, что Матильда по-прежнему изучала дорожное полотно. Пока он раздумывал, о чем бы заговорить, они добрались до

аэропорта, в котором журчал людской ручеек. Потенциальных пассажиров было совсем мало. Основной наплыв всегда приходился на утро, об этом был осведомлен водитель, подрабатывавший извозом.

Сейчас незаметно подобрался вечер. Тихий, неторопливый, блаженный. Чего не скажешь о душевном состоянии Аккуратовой: внутри вопило горе, сердце не ощущалось, оно где-то спряталось, мозги работали с перебоями, прежняя собранность перешла в скудную сообразительность. Надо было собраться с мыслями, длинный путь в аэропорт этому не способствовал.

- Миша, давай где-нибудь присядем. Подождем минут пятнадцать, вдруг Дятлов позвонит, потом будет что-то предпринимать.

- Пойдем на второй этаж, там есть кафе.

- Да, пойдем, - рассеянно согласилась женщина. – Я испытываю жуткую жажду.

Они присели за маленький столик и заказали по чашке чая с лимоном. Задумчиво тянули остывший чай и смотрели на летное поле.

- Тебе заказать еще что-нибудь?

- Лимонад, как в детстве.

- Как в детстве не обещаю...

Выпив лимонада, Матильда поднялась.

- Мы уже уходим? – подобрался Михаил.

- Ты посиди, я в... туалет.

Едва Аккуратова закрылась в кабинке, как какая-то нетерпеливая гражданка заскреблась в дверь, закрытую пару секунд назад на щеколду. Матильда хотела возмутиться, но не успела – услышала вкрадчивый голос Огурцова. Что он делает в женском туалете? – подумала она. Ответ прозвучал незамедлительно.

- Мотя, я тебе принес электрический нагреватель.

Зачем мне нагреватель в туалете, - рассердилась женщина про себя. – Совсем ополоумел на сексуальной почве. И с этим человеком я собиралась встречать грустную старость... Неужели все дело в боязни одиночества? Нет, я почти привыкла жить одна. Я одна и не одна. У меня есть дети, внуки. Я привыкла. Больше мне никто не нужен... О чем я думаю в такой ужасный момент! Лилька погибла! Моя любимая дорогая подружка!

Кто-то коснулся ее плеча и слегка тряхнул.

- Мотя, ты меня слышишь?

Она открыла глаза. Увидела водную гладь, солнце, парящее в зените и слепящее глаза.

Матильда поморгала, отняла руки от балконных перил, потянулась, поворачивала головой, чтобы снять напряжение в шее и скрипучим голосом сказала:

- День сурка.

- Не понял...

- Миша, который час.

- Двенадцать двадцать... две, если точно, - пробормотал ничего не понимающий Огурцов.

- Не удивляйся следующему вопросу. А какое сегодня число?

- Тоже, что и с утра - двенадцатое сентября.

- Ага, - удовлетворенно кивнула Аккуратова. – Значит, мы приехали на базу отдыха совсем недавно, я зашла в свой номер, вышла на балкон, присела на минутку на стул и... уснула. Так получается? – напряженно взглянула на ничего непонимающего приятеля. Повеселела и воскликнула, распугав голубей, вспорхнувших с соседнего балкона. – Миша, весь этот ужас мне приснился! Миш, мне ВСЁ ЭТО приснилось! Понимаешь, приснилось! Лилька жива!

- Жива, наверное. Конечно, жива, что с ней сделается. Она нас всех переживет.

- Миш, а ты, правда, вез Дятлова в аэропорт? Он, правда, уехал из России навсегда? – спросила женщина, не очистившая явь от остатков глубокого сна, продлившегося совсем недолго. Возможно, пять минут. Всего пять минут, а какой стресс, пусть и полученный во сне.

- Дятлова я в глаза никогда не видел. Знаю его лишь с твоих слов, - странно поглядывая на женщину с безумным взором, пробубнил мужчина с осуждением, будто обижался на нее за то, что Дятлова – невиданную знаменитость – она не удосужилась с ним познакомиться.

- А, ну да, чего это я, в самом деле, - пробормотала Матильда.

- Пойдем на берег, я уже все приготовил...

- Миша, поехали домой – предложила она. По-домашнему предложила, без занудства, без капризов. – И не спрашивай меня ни о чем.

- Я и не собирался. Твое слово для меня закон...

Когда они подъехали к ее дому, Михаил спросил, не глядя в сторону своей пассажирки:

- Мотя, можно я останусь у тебя?

- Миша, я вижу свободное место на стоянке, быстрее его займи, пока кто-то тебя не опередил.

«Лада Калина» втиснулась с узкое пространство, пара выбралась из машины. Мужчина забрал из багажника сумки, они направились к подъезду. И только подошли, как дверь распахнулась, едва не хлопнув по лбу Матильду. Она собралась возмутиться, но обомлела: перед ней стояла Лилька Капустина собственной персоной. И он одна. Рядом высился красавец Дятлов.

- Мулдашева! Где ты шляешься! Я же четко сказала, что приехала, что днем буду у тебя! – игнорируя приветствие, воскликнула подруга детства.

- Капустина! У тебя крыша поехала! – парировала ей «доброжелательная» Мулдашева с приветливой улыбкой. – С кем ты разговаривала, позволь спросить?

- С твоим автоответчиком! Я тебе позвонила... Тема, в котором часу я ей звонила?

- Часов в одиннадцать, в начале двенадцатого, - подсказал Дятлов, щурясь от ярких солнечных лучей.

- Детское время! – подытожила Лилия. – Неужели ты спала?

- Спала, - призналась Мотя.

- Так я тебе и поверила, - хмыкнула она, покосившись на незнакомца рядом с подругой. Мишку Огурцова она не узнала. – Я ей звоню, а она, видите ли, спит. Пришлось наговорить на автоответчик. Думаю, проснется моя красавица, прослушает сообщение, перезвонит. Не перезвонила, я не в обиде. Решила, что ты готовишься к встрече. Столы накрываешь... Приезжаем мы с Темой и... целуем твою дверь.

- Лиля, я не слушала сообщение, - извинилась подруга, запоздало сообразив, что прошедшей ночью не соседка ботала по телефону... лилькиным голосом, а это сама Лилька наговаривала на автоответчик. – Я не знала, что ты приедешь. Я то бы я...

- Девочки, может быть вы, наконец, обниметесь, - вмешался Дятлов.

Девочки заключили друг друга в объятия и долго не могли расцепиться.

- Я безумно рада тебя видеть, Лилька! У тебя все нормально?

- Как сказать.

- Да, я знаю, что случилось с Эрнесто. Прими мои соболезнования.

- Откуда ты знаешь?! Дятлов, это ты ей растрезвонил?

За Дятлова ответила Матильда.

- Я Артема сто лет не видела. Я, вообще, думала, что он уехал из России.

- Мне и тут хорошо живется. А теперь будет еще лучше, - загадочно произнес Артем Михайлович.

- Кажется, я догадалась - вы опять вместе. Так?

- Мы... попробуем, - выкрутилась Лилия. Нахмурилась и призналась, - я сама тебе проболталась о своей потере. С автоответчиком говорить проще – после признаний не последуют причитания. Но я предупредила, что эта тема для меня еще болезненна. Но я не считаю, что мое возвращение к Дятлову будет предательством. Эрнесто был бы только рад, если бы я нашла свое счастье.

- Надеюсь, вторая попытка будет более удачной, - улыбнулся Дятлов. – Я уже закупился новой посудой, зная...

- Ах, оставь свои намеки, - отмахнулась Лилия, не дав ему продолжить. – Мотя, я вижу, у тебя тоже жизнь не стоит на месте.

- Еще предложи познакомить тебя с этим мужчиной, - встрепенулась Аккуратова.

- Меня нельзя ни с кем знакомить?

- А зачем знакомить с тем, с кем ты уже знакома, причем давным-давно, - вмешался Огурцов. – Лиля, неужели я так сильно изменился?

Лиля долго присматривалась, обошла мужчину со всех сторон, потом полувопросительно сказала:

- Михаил Огурцов, ты что ли?

- Я? – расплылся в улыбке школьный приятель.

- О как! Добился-таки своего! Молодец! Ребята, как же я за вас рада!

- Лиля, ты опережаешь события, - бесстрастным голосом произнесла Матильда.

- Я тебя умоляю! Еще скажи, что вам надо лучше узнать друг друга. Часики тикают, время летит, годики прибавляются. Надо все успеть. Весна жизни прошла, лето жизни пробежало, осень уж на дворе, не заметишь, как пролетит. И там и зима жизни не за горами. Для кого-то жизнь будет идти, бежать, лететь, но не для нас. Мы будем сторонними наблюдателями... Если

не ослепнем к тому времени, - усмехнулась Капустина. - Так что торопитесь, ребята! – Она погрозила пальцем, - зима не за горами!

- Лилечка, ты права на все сто! - бойко вступил Михаил. - Я всегда готов! Как пионер.

- И снова ты молодец!

- Долго мы будем стоять у подъезда, - пожаловалась Аккуратова, словно это был чужой подъезд, и она ожидала приглашения.

- Действительно! – подхватила Капустина. – Пошли скорее, мне так много нужно вам рассказать. Мотыка, о чемодане я тебе уже рассказала... Ой, ты же не слушала сообщение. Могу повторить.

- Повтори, я НИЧЕГО не знаю! – заупорствовала подруга, прикидываясь несведущей.

Оказавшись дома у Аккуратовой, Капустина рассказала, что по дороге в Россию заезжала к сестре Эрнесто, которая давно живет в Берлине. На аукционе купила чемоданище, в нем не было ничего ценного. Но был роман Достоевского.

- Я его полистала, и заметила отметины иголкой. И сразу догадалась, что это... зашифрованное послание. Если нам удастся его расшифровать, то мы узнаем, где находится клад. Я уверена, что речь идет о кладе.

- Не обращайтесь на нее внимания, - любовно поглядывая на Капустину, проговорил Дятлов. – Наша Лиля и в девяносто лет будет сумасбродкой. Жить без приключений ей невыносимо.

- Рад, что наша Лилька не меняется с годами, - сказал Огурцов.

- Капустина, ты рассказывала ночью о мужчине, который хотел у тебя выкупить книгу? – поинтересовалась подруга, запутавшаяся в яви и сновидениях.

- Какой мужчина? Не было никакого мужчины.

- На меня тоже не надо обращать внимания, я еще окончательно не проснулась.

- А пора бы, - вставил Михаил, многозначительно поглядывая на нее...

Август 2015г.